

Милая Елисафет

Императрица Елисавета и искусство ее времени

«Искусство — это я», — могла бы сказать Елисавета. И описывая ее, ее склонности, вкусы и привычки, говоря о ее лице, о платьях, о словах и о деяниях, каждый раз видишь те же отраженные черты и в искусстве ее времени. Так же сходны они между собой, так же родственны, как близки разные искусства, как похожа живопись на музыку, архитектура на речь.

Вот почему Дщерь Петрова, «Всепресветлейшая Елисафет», Всемиловитившая Государыня, «Венера», женщина «с глазами, полными воробьиного соку», богомольная затейница и веселая баловница, ленивая и беспечная, русская во всем Императрица отражает, как зеркало, прятничную красоту пышной середины XVIII столетия.

Незаконная дочь первого русского Императора и прислужницы-немки создала помесь яркого русского лубка с любезной вычурой придворного французского искусства. Русская по характеру, беспечная, взбалмошная, смешливая, славная и добрая «Елисафет» спаяла воедино кажущиеся несоединимыми: величавость и веселый каприз, царственную пышность с простонародным пряником. Греховная и сластолюбивая, «сделавшая монастыри убежищем своих любовных походов», добрая душа, не допускавшая смертных казней, но бившая по щекам своих придворных дам, — разве не святое ли это Евангелие в окладе рококо или строгий лик византийской Богородицы в засеянной разноцветными камнями прорезной золотой ризе?

Я вижу ее в разных обликах, эту русскую Императрицу. Вот маленькая девочка, восьмилетний раздетый ребенок с телом взрослой девушки. Она полулежит, кокетливо придерживая портрет своего отца, и так ласково и нежно улыбается, будто уже теперь думает о Салтыкове, Шубине, Сиверсе, Разумовском, Шувалове и всех прочих, кого любило после это прекрасное существо. Потом она же играет с сестрой Анной Петровной, потом лукаво глядит из рамы, нарядившись в мужской костюм. Или вот уже воцарившейся Монархиней стоит она в пышных дворцовых покаях или сидит со скипетром и в порфире в царском облачении. Но в минуты досуга, а их много у нее, ибо вся жизнь ее веселая

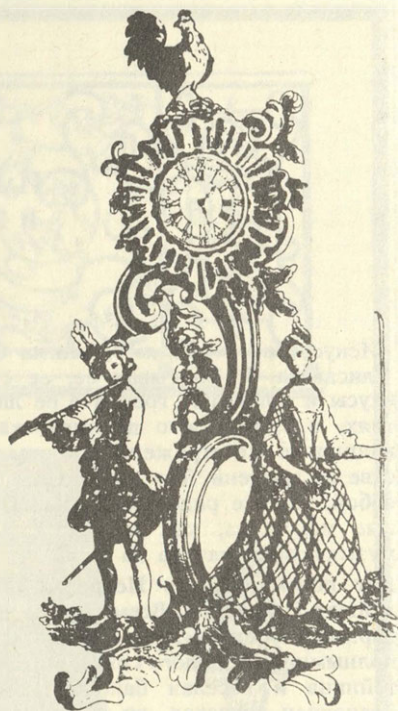
прихоть, рядится она в маскарадное платье и глядит раздурманенной фарфоровой куклой в черном шелку своего домино. Или вот еще: едет она верхом в сопровождении черномазого арапчонка или позирует художнику в домашнем платье и чепце. Всюду и всегда тот же характер — своеобразный, милый, та же затейница, «допускавшая без стеснения разговоры и поступки, заставлявшие краснеть наименее скромных людей», «женщина, в которой нет ни кусочка монашеского тела». А наряду с этим — страстное поклонение церкви, монастырям, хождение на богомолье, безудержная любовь к церковному пенью и служительству. Эта смесь противоречивых чувств — любовного и религиозного экстаза — чисто русские черты набожности, родственные угрюмым раскаяниям Иоанна Васильевича Грозного и диким затеям и разгулу Всецарнейшего Собора. Эта потребность в контрастах, желание грешить, чтобы опять еще горше раскаяться! Кажется, никогда в России не воздвигалось столько домов Божиих, как в это царствование, — строятся храмы Смольного монастыря, Владимирский собор, дворцовые церкви, церкви Малороссии и Москвы, Новый Иерусалим — все одинаково похожие на храмы любви и веселья. Даже сама Императрица, очнувшись от чада своей безудержной фантазии, говорит Шаховскому, что в церкви Конного полка «на иконостасе вместо ангелов поставлены разные болваны наподобие херувимов». Но опять высятся новые постройки, храмы и монастыри, создаваемые гениальной выдумкой итальянского архитектора Растрелли. На церковь сыпятся милости, а в монастыри богатства, что не мешает, однако, обращаться со священнослужителями так же, как с танцмейстерами или «мастерами кондитерского искусства»... И на всем протяжении новой русской истории не найти в образе верховного правления столь ярко выраженного, пленительного, но и вместе с тем нелепого облика русской женщины, пользующейся безграничной властью. Это — апофеоз русского самодурства, но самодурства сравнительно доброго, и потому, может быть, так ласково манит нас эта национальная и нам одним присущая слабость.

Так или нет, но несомненно, что нрав-

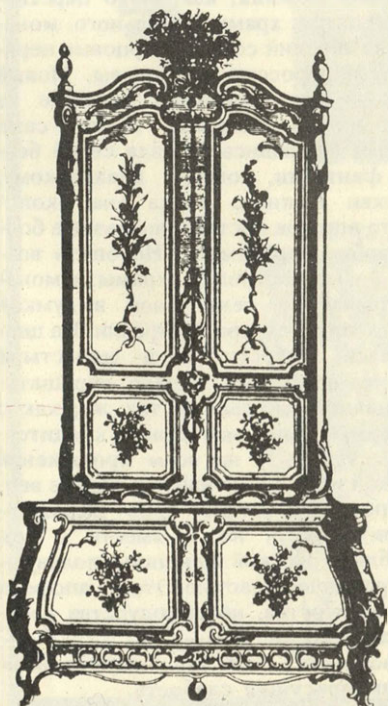
ственный облик дочери Петра — облик если и не нужный для жизни страны, то облик художественный... художественен он потому, что всякое желание государыни — каприз, вдохновение, непосредственное чувство — всегда искреннее и правдивое. Елисавета не умела хитрить, и навсегда осталась она большим взбалмошным ребенком, рабом своих собственных прихотей. Осуждать можем мы ее за бесцельные поступки и распоряжения, порицать за нелепые деяния, но не можем не восторгаться и не любить ее.

Это дитя природы, этот дикий цветок в странно идущей ему изысканной иноземной оправе навсегда останется в нашем сердце образом русской женщины и непригодной к делам русской женщины, которую любим мы за ее цельность и национализм и тип которой, как ни странно сказать, до сих пор еще не выразил никто из русских писателей.

Редко кто из русских правителей пользовался такой любовью в простых классах населения, как Елисавета Петровна. Крестьяне любили ее, не вникая в ее деяния, любили просто и сильно за то, что видели в ней родственную им кровь, родные им вкусы. Не вдаваясь в рассуждения, бессознательно восторгались они чисто внешними приемами и скорее обычаями, нежели

поступками. И потому-то весь быт при Дворе и искусство, служившее ему, были, как ни странно сказать, несомненно близки крестьянскому духу и его традициям. В дивных дворцах Императорского дома жили не иноземные пришельцы, как предшествующие правители, а свои люди, близкие к тем старым боярам, что еще не были отделены непреодолимой пропастью от народа. И была Императрица той «Всероссийской помещицей», которая сохранила до конца дней связь с землей и деревней, крепкую спайку с простыми и здоровыми русскими людьми. Вот почему несомненно национальными останутся наряженные по французским картинкам чисто русские, грубоватые и неуклюжие люди... Если мы называем елисаветинскую Россию национальной, то не только за сильные проявления ее духа, а скорее, именно за слабые. Самодурство и страсть к чудачеству, внешнее самовосхваление и кажущаяся самостоятельность, в сущности, слепо подчиняющаяся чужой власти, разве не характерные, не «национальные» наши черты?.. Говорят, что эпоха Елисаветы была господством русских над иностранцами. Но кроме фаворитов — а на этом поприще русские всегда были первыми — много ли наберется деятелей чисто русских в области культуры, науки и искусства?

Вспомним лиц, участвовавших в возведении Императрицы на престол — Лестока, Шварца и Грюнштейна, вспомним лучших художников: Каравакка, братьев Лангрена, Токке, Ротари, Торелли, Девельи, Лелоррена, Лепренса, Жилле; вспомним главных деятелей в Академии наук: Делиля, Шумахера, Миллера, Якова Штелина. Вспомним, наконец, двух замечательных людей того времени — братьев Бестужевых — Алексея и Михаила, которые были женаты: Алексей на графине Беттигер, Михаил — на фон Гаугвиц. Потому только пустыми словами кажутся нам разговоры Елисаветы о предпочтении русских пред иностранцами, а исключения, как гениальный Ломоносов (Ломоносов также был женат на немке Цильх, марбургской уроженке) или братья Шуваловы, только подтверждают правило. Тем не менее, если мы и не видим явного господства русского влияния, то все же во всем чувствуется сильный привкус грубоватых народных нравов и обычаев, нечто своеобразное и не повторявшееся до сих пор. Императрица Елисавета была последней русской Царицей еще в «дореформенном» значении этого слова и, как запоздалый дикий цветок, расцвела среди привозных оранжерейных растений. Вся она является таким цельным и милым нам, ныне уже выродившимся, славным типом русского характера, что все, кому дороги национальные заветы, не могут не любить ее и не восхищаться ею.

